

УДК 94 (47) «1914/1919»

ПОДПРЯТОВ Николай Вячеславович — д.и.н., доцент; профессор кафедры Новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; podpryatov1961@yandex.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ СОЗДАНИЯ РЕГУЛЯРНЫХ ПОЛЬСКИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается второй период создания польских этнических воинских формирований регулярной русской армии. Анализируются как внутривнутриполитические, так и международные процессы, оказывавшие влияние на практики российского руководства по созданию этнических польских частей в условиях Первой мировой войны и использованию их в боевых действиях на фронте.

Ключевые слова: армия, польские воинские формирования, стрелковые батальоны, капелланы, дисциплина, Первая мировая война

В 1915 г. германская армия предприняла ряд наступательных операций на Восточном фронте и в результате Горлицкого прорыва и Наревской операции вытеснила русскую армию с польских территорий. 22 июня германские войска заняли Львов, а 5 августа — Варшаву. В новых условиях международных отношений и боевой обстановки формировать польские добровольческие дружины смысла уже не было.

Как вспоминал бывший министр народного просвещения граф П.Н. Игнатъев, в своем докладе императору 22 мая 1915 г. он указывал, что невозможно забрать у поляков то, что им уже было обещано в обращении великого князя Николая Николаевича 14 августа 1914 г., и что предоставление автономии Польше — это лучшее решение польской проблемы. На что Николай II подтвердил невозможность возврата к старым методам и отметил, что такой подход не должен даже рассматриваться¹.

Собственно, даже до немецкой оккупации приток желающих защищать Россию и Польшу в ее составе был не таким большим. Запланированное число дружин ополчения и конный эскадрон сформировать так и не удалось. Немаловажную роль играл и национализм, свойственный Польскому организационному комитету, формирующему эти дружины, что, естественно, вызывало настороженную реакцию русского военного командования. Вскоре Польский комитет во главе с генерал-майором Э. Жилинским был распущен, а дело формирования польских частей поручается начальнику 104-й бригады государственного ополчения генерал-майору П. Шимановскому.

Последний 17 июля 1915 г. в рапорте докладывает штабу главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта свой проект формирования новых частей из поляков-добровольцев и ратников ополчения². Порядок формирования предполагался следующий: «Следует сформировать “Польскую стрелковую бригаду”, включая в состав уже сформированные конские и пешие части. Полки должны быть двухбатальонного состава. 739-ю дружину, пользующуюся лестной для нее боевой известностью в Гренадерском корпусе, оставить в рядах того же корпуса до окончания формирования бригады и добавить к ней 2-ой батальон и переименовать ее в стрелковый полк; 115-ю конную сотню, которая в ближайшем будущем будет

¹ Бахметьевский архив Колумбийского университета (BAR). GMC Iurev. The Memoirs of Count Paul Nicholaevitch Ignatieff. P.137.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 48. Л. 167.

совершенно готова к походу, включить в состав того же гренадерского корпуса на тех же основаниях, с разрешения генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта, так же поступить с 116-й конной сотней по окончании ее формирования. По формировании 4-х полков управление бригадой с ее начальником включается в состав корпуса. Для дальнейшего комплектования частей офицерами-поляками необходимо возбудить ходатайство перед командующим о разрешении военными училищами, школами прапорщиков и таковыми же школами ополчения выпускать офицеров в части бригады состоящих в этих заведениях добровольцев 739-й и бывшей 740-й дружин (около 40 человек). В каждой части иметь знамя с изображением иконы Ченстоховской божьей матери»¹.

Кроме того, предполагалось формировать вспомогательные части: саперную команду, санитарную полуроту, команду связи при двух автомобилях, двух телефонных станциях и 12 мотоциклетах².

30 июля 1915 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерал-лейтенант А.А. Гулевич ходатайствовал перед начальником штаба Верховного главнокомандующего о формировании Польской запасной маршевой дружины по штатам запасного батальона как с целью пополнения потерь 739-й Ново-Александрийской дружины, входящей в состав Гренадерского корпуса, так и для формирования других частей Польской стрелковой бригады³.

Однако приказом по армиям Северо-Западного фронта в августе 1915 г. генерал-майору П. Шимановскому поручалось переформировать все польские части и подразделения в стрелковую бригаду, состоящую из четырех отдельных стрелковых батальонов и двухэскадронного уланского дивизиона⁴. Начальником штаба бригады был назначен капитан В.А. Жилинский. Для частей бригады устанавливалась особая форма одежды с темно-синими шароварами. Переписка внутри бригады и язык обучения допускались польские. Покрой формы одежды был такой же, как и в русской армии, но с белым металлическим прибором и с малиновыми кантами. Погоны также были малиновые. А вот возможность получения батальонами такого важного для военных атрибута, как боевое знамя, ставилась в зависимость от реальных заслуг данной части на полях сражений. Только за боевые подвиги польским подразделениям вручалось знамя с изображением на одной стороне особенно почитаемой поляками Ченстоховской божьей матери, а на другой изображался вензель императора и двуглавый орел⁵.

9 сентября 1915 г. новый Верховный главнокомандующий император Николай II утверждает «Положение о польской стрелковой бригаде», превращающее дружины государственного ополчения в регулярную войсковую часть русской армии⁶.

Батальоны формировались в Бобруйске, а штаб бригады до 7 декабря 1915 г. находился в Смоленске, а к 9 декабря был также перемещен в Бобруйск. Собственно наименование Польской стрелковой бригады и польских стрелковых батальонов вместо дружин устанавливается только с середины октября 1915 г.⁷

Запасная маршевая дружина становится запасным батальоном четырехротного состава. Командиром этого батальона, расквартированного также в Бобруйске, назначается капитан Кучевский⁸.

Первой задачей, требовавшей скорейшего решения, было расквартирование вновь образуемых польских частей. 27 ноября 1915 г. начальник Бобруйского гарнизона генерал-лейтенант А.К. Фрейман приказал прибыть к нему на квартиру командиру 1-го Польского батальона на заседание по рассмотрению вопроса размещения формируемых частей Польской стрелковой бригады и улан, имея с собой

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 48. Л. 168.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 324. Л. 95; Ф. 2019. Оп. 1. Д. 48. Л. 171.

³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 48. Л. 166.

⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 48. Л. 176.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 324. Л. 83, 91, 92, 95.

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 324. Л. 43, 84, 151.

⁷ РГВИА. Ф. 3449. Оп. 1. Д. 29. Л. 317.

⁸ Там же. Л. 318.

сведения относительно размера нужных помещений в соответствии с численностью людей и лошадей¹.

Проблема была очень серьезной, т.к. помещений не хватало уже существовавшим формированиям. Сначала 739-я Ново-Александровская дружина размещалась в самом городе по ул. Муравьевской, но к ноябрю 1915 г. бойцы были переведены в новые бараки на Слуцком полигоне. 1-й Польский стрелковый батальон занимал бараки № 7 и № 8. Нестроевая рота Польского батальона размещалась по ул. Татьяновской, а амбулатория — по ул. Гоголевской².

В каждом из бараків Слуцкого полигона располагалось по две роты общей численностью 440–450 чел.³ Но этого было недостаточно — в батальоне числилось 1 210 нижних чинов. Проверка гарнизонной комиссией выявила в расположении части серьезную антисанитарию, отмечая, что в помещениях в обоих бараках не убрано. У барака № 8 была вырыта большая яма, из которой, очевидно, брали песок на подсыпку. Комиссия потребовала немедленно засыпать яму⁴.

Собственно, и по старому адресу в Бобруйске в октябре месяце, где еще дружина занимала помещения Конторовича, комиссия также отмечала грязь на дворе и небранное отхожее место⁵.

В создаваемые национальные формирования поляков разрешался добровольный переход из других частей русской армии любого фронта. В 1915 г. желание на такой переход выразили офицеры 82 частей⁶. Но рассчитывать только на добровольцев командование русской армии было не намерено и приступило к целенаправленному переводу в польские батальоны военнослужащих, призванных из западных губерний.

В феврале 1916 г. и.д. дежурного генерала штаба 5-й армии полковник Н.К. Горбатов разослал распоряжение командирам подчиненных частей: «Прошу срочно телеграфировать, имеются ли частях дивизии уроженцы Западного края, коих желательно было бы изъять частей дивизии. Положительном случае первое: сколько число таковых нижних чинов польской национальности, подразделения их, фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых и второе: сколько уроженцев Западного края прочих национальностей и каких именно»⁷.

В Польской бригаде вводится должность католического священника — капеллана, которую в начале 1916 г. занимал В. Миколайтысь⁸. Вообще церкви и священнослужителям придавалось большое, если не определяющее значение в вопросах организации досуга и воспитания нижних чинов.

При этом посещение или непосещение литургий было не простым желанием военнослужащих, а их должностной обязанностью. В то же время командиры частей и подразделений должны были обеспечить как саму явку нижних чинов, так и их достойное поведение при прохождении к храму и обратно и во время самой службы. Так, 27 декабря 1915 г. начальник Польской бригады издал приказ № 39, в котором указывал, что команды отправляются и прибывают в местный костел не вовремя и тем мешают самой службе. Поэтому генерал-майор П. Шимановский потребовал: «Предписываю командирам частей бригады в праздничные и воскресные дни отправлять команды с таким расчетом, чтобы они обязательно прибывали к началу богослужения в 9 ½ часов утра»⁹.

С религиозными датами были связаны и большинство праздников — как общегосударственных, так и армейских. Например, в честь дня кавалерского праздника Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 26 ноября устраивался

¹ Там же. Л. 264.

² Там же. Л. 282.

³ Там же. Л. 228-228(об).

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 178.

⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 48. Л. 173-175.

⁷ РГВИА. Ф. 3606. Оп. 1. Д. 303. Л. 13 об.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 11. Д. 91. Л. 34.

⁹ РГВИА. Ф. 3449. Оп. 1. Д. 29. Л. 351.

парад войск гарнизона. Для подготовки к этому мероприятию командир 1-го Польского стрелкового батальона выводил в утренние часы на репетицию к церкви 158-го пехотного Кутаисского полка свои подразделения с офицерами, адъютантами, знаменщиками, ассистентами и линейными¹.

С 28 ноября по 6 декабря 1915 г. также в храмах во время утренней и вечерней литургий осуществлялся сбор в пользу Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, находящегося под покровительством императора. При этом обязанность по сбору возлагалась на командиров частей².

Так, в этот период в римско-католическом костеле (в основном 5 и 6 декабря, т.е. в воскресенье и понедельник) среди бойцов 1-го Польского стрелкового батальона было собрано 81 руб. 18 коп. В других храмах гарнизона собрали по 40–50 руб., только городской собор имел пожертвований на сумму 193 руб. 57 коп. Таким образом, польские солдаты передали денежные суммы, сопоставимые с суммами, собранными другими воинскими частями³.

В то же время военное командование, памятуя об изменах польских формирований в 1830–1831 и 1863–1864 гг., относилось с подозрением к вновь образуемым частям и стремилось не допустить антирусской агитации среди польских военнослужащих. 18 сентября 1914 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерал-лейтенант В.А. Орановский и генерал-квартирмейстер штаба этого же фронта генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич сообщили в штаб Верховного главнокомандующего, что из Минского военного округа поступили ноты трех польских национальных гимнов для фортепиано. Генералы просили указать: может ли быть дано разрешение на издание и продажу прилагаемых нот трех польских гимнов («С дымом пожаров», «Боже, Ты Польшу...», «Еще Польша не пропала»), принимая во внимание, что все эти гимны пропущены цензурой в Петрограде и Москве, но составлены во враждебном против России духе⁴.

25 сентября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков ответил начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н.Н. Янушкевичу: «Уведомляю, что тексты указываемых Вашим Превосходительством польских гимнов распространению не подлежат и комитетами печати к выпуску не разрешались. Ноты же без текста из под цензуры изъяты по закону, а потому воспрещены быть не могут»⁵.

Более того, 28 сентября военный министр генерал-адъютант В.А. Сухомлинов признал распространение польских гимнов совершенно недопустимым и назначил специальное расследование по факту пропуска цензурой в Петрограде и Москве этих произведений⁶.

Лишь 23 декабря 1915 г. главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии А.Е. Эверт издал приказ № 37, которым разрешалось исполнение песен на польском языке, но только «указанных в списке, представленном Командиром 1-го Польского стрелкового батальона Начальнику Бобруйского гарнизона»⁷.

Разумеется, военнослужащие польских батальонов не ограничивались только обучением военному делу, хождением в костел и пением песен. Как и нижние чины других частей, они стремились разнообразить свой досуг, в т.ч. частенько нарушая воинскую дисциплину и уходя в самовольные отлучки в населенный пункт.

15 августа 1915 г. генерал-лейтенант А.К. Фрейман издает грозный приказ, воспрещающий выход нижних чинов в город после 9 часов вечера не по делам службы. Однако проведенная 4 октября проверка установила, что «в увеселительных

¹ Там же. Л. 258.

² Там же. Л. 271–271(об).

³ Там же. Л. 297–297(об).

⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 66. Л. 1, 2.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ РГВИА. Ф. 3449. Оп. 1. Д. 29. Л. 334.

местах г. Бобруйска были нижние чины: 739-й Ново-Александрийской дружины»¹. Задержание польских стрелков в самовольных отлучках происходило практически каждый день в течение всей осени².

14 декабря 1915 г. генерал А.К. Фрейман указывал: «В течение минувшего ноября было задержано без документов 582 нижних чина, из коих частей Бобруйского гарнизона 349 человек и 233 иногородних.

Наибольшее число задержанных нижних чинов падает на 1-й Польский стрелковый батальон, 6-й Сибирский артдивизион и 54 команду выздоравливающих.

Очевидно в названных частях мои приказы не проводятся в жизнь с должной твердостью, на что и обращаю внимание соответствующих начальников частей»³.

Действительно, если в первую декаду октября относительная численность задержанных в самовольных отлучках солдат-поляков составляла чуть более 2%, во вторую декаду октября эта цифра достигла 18%, в третьей декаде октября — 33%, то в первой декаде декабря нижние чины поляки составляли 70% числа всех задержанных без оправдательных документов.

К 7 февраля 1916 г. в Польской бригаде были сформированы полностью и укомплектованы людьми 1-й и 2-й батальоны (командиры полковники Я. Ржондковский и Л. Желиговский соответственно). При этом в 1-м Польском стрелковом батальоне были налицо: 1 штаб-офицер, 16 обер-офицеров, 1 врач, 1 чиновник и 1 210 нижних чинов. Отсутствовали в строю 608 военнослужащих⁴. 3-й и 4-й батальоны были сформированы частично.

Бригаде были приданы эскадрон улан под командой ротмистра В. Обух-Вошатицкого, команда саперов капитана М. Вежыка, полевой госпиталь и санитарный пункт. Но ни один батальон не получил оружия, лошадей и обозов. Общая численность бригады весной 1916 г. достигла 4 тыс. штыков. Для полного комплектования не хватало еще порядка 2 900 чел., поэтому было разрешено отправлять в нее и добровольцев из запасного батальона капитана Кучевского⁵.

Перед отправкой 1-й Польской стрелковой бригады на фронт ее командиром стал генерал-лейтенант А.И. Славчинский, исполнявший эту должность с 7 апреля по 2 сентября 1916 г. Затем бригаду возглавил генерал-майор К.Б. Ольшевский. Начальником штаба Польской стрелковой бригады был назначен подполковник В.К. Шевченко (с 15 апреля — как исполняющий должность, а окончательно занял должность только в январе 1917 г.).

С марта 1916 г. бригада входит в состав Гренадерского корпуса, потом передается в состав 25-го армейского корпуса и участвует в боях под Барановичами в летнем наступлении Западного фронта. Затем с июля 1916 г. бригада была возвращена в состав Гренадерского корпуса, участвовавшего в боях под Щарой, Заосьем, Зельвом [Копылов 2014: 8].

Главкомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии А.Е. Эверт приказал начать 31 мая 1916 г. наступление двух дивизий Гренадерского корпуса в стык германских и австрийских войск между Колдычевским озером и Брестской железной дорогой в общем направлении на Стволовичи. Для развита успеха предполагалось использовать находившиеся в резерве 81-ю пехотную дивизию и Польскую стрелковую бригаду. Вначале наступление гренадеров было успешным, и они смогли занять передовые линии укреплений противника. Однако, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением противника, вынуждены были остановиться и запросить помощи. Командующий 4-й армией раздумывал 8 часов и, наконец, направил из своего резерва Польскую стрелковую бригаду в качестве подкрепления. Но было уже поздно: части гренадерских дивизий отошли, вернувшись в исходное положение, понеся огромные потери, превысившие 8 000 чел. [Клембовский 1920: 61].

¹ Там же. Л. 162.

² Там же. Л. 169, 176, 179, 190, 216, 223, 227, 229, 232, 234, 235, 236, 237, 275, 276.

³ Там же. Л. 298.

⁴ Там же. Л. 285.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 324. Л. 224, 227.

Польская бригада также понесла значительные потери и была выведена в резерв. Однако потери эти были в основном не боевые, т.к. часть не отличалась надежностью, и командование не рисковало отправлять ее в бой. По свидетельству штабс-капитана В.И. Оберюхтина, ежедневно из состава польской бригады к немцам перебегало по 2–3 человека. «Агитация же немцев среди поляков и в свою очередь их обещания всяких льгот полякам — вызывали тягу поляков к немцам. Это повело к систематическим сдачам в плен поляков с разглашением всех начинаний и хода подготовки русских к наступлению. Недаром Польская стрелковая бригада была переведена сначала за болотистый участок, а затем даже отведена в резерв» [Оберюхтин 1935: 48–49].

Действительно, при третьем наступлении фронта в июле 1916 г. 25-му армейскому корпусу, 7-й туркестанской стрелковой, 3-й гренадерской дивизиям и Польской стрелковой бригаде была поставлена задача не наступать, а обороняться на занимаемых ими позициях. После этого Польская стрелковая бригада активного участия в боях не принимала и была выведена на переформирование.

Осенью 1916 г. в процесс строительства этнических воинских формирований в России включился международный фактор. На польских территориях, оккупированных державами оси, 5 ноября 1916 г. было провозглашено воссоздание «независимой» Польши. Новое государство находилось под прямым протекторатом Австро-Венгрии и Германии и управлялось регентским советом. Последний объявил о создании польской армии, что еще более усилило разлагающее влияние немецкой пропаганды на поляков, воевавших в составе русской армии. В этих условиях Россия должна была сделать ответный шаг в решении польского вопроса.

Таким образом, российская армия после неудач XIX в. вновь приступила к формированию польских воинских подразделений и частей. Эти образования проходили те же этапы комплектования, обучения и подготовки, которые были характерны для всей армии. Проблемы, возникавшие в польских частях, также не отличались какими-то особенностями — это налаживание быта, обеспечение повседневной деятельности, борьба с недисциплинированностью и дезертирством. Уровень нарушений воинской дисциплины военнослужащими польских подразделений также был в пределах среднестатистических цифр, характерных и для общерусских формирований. Боевое применение польских стрелковых батальонов и уланского дивизиона свидетельствует об отсутствии как каких-то значительных успехов на военном поприще, так и откровенных примеров перманентной неустойчивости батальонов и их склонности к паникерству и оставлению своих позиций. В конечном счете, все определялось качеством командного состава, степенью подготовленности подразделений и обеспечением войск всем необходимым.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Этнические формирования российской армии в годы Первой мировой войны», проект №13-01-00232.

Список литературы

Клембовский В.Н. 1920. *Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом.* М. 124 с. Доступ: http://www.grwar.ru/library/Strateg_Essay_5/SE_05_07.html (проверено 10.07.2015).

Копылов Н.А. 2014. Польские военные формирования в составе русской армии (1914–1916): военные и политические проблемы формирования и боевого применения. — *Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой войне.* Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею Первой мировой войны. Калининград. Доступ: http://histrf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/08/ce8cb70113b56e8b256eb079c30f12256b0ec1a9.pdf. (проверено 10.07.2015).

Оберюхтин В.И. 1935. *Барановичи. 1916 год. Военно-исторический очерк.* М.: Науч.-исслед. отд. Краснознам. воен. акад. РККА им. М.В. Фрунзе. 156 с.

PODPRYATOV Nikolai Vyacheslavovich, Dr.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of Modern Russian History, Perm State National Research University (15, Bukireva St, Perm, Russia, 614990; podpryatov1961@yandex.ru)

STATE PRACTICES OF THE FORMATION OF REGULAR POLISH MILITARY UNITS DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. Liquidation of the Polish voluntary troops in 1915 and turning them into parts of the regular Russian army showed new approaches of the Russian leadership. Solving these problems, the headquarters determine the placement of new units, providing them with uniforms, weapons and training. Particularly important role in the upbringing of the soldiers was played by chaplains. At the same time, Polish soldiers often violated military discipline and were not stable in the battles. However, this does not speak about the weaknesses of these groups, but it more indicates the general level of combat capabilities of the Russian army. Besides, the command did not trust the Poles, and the Polish infantry brigade did not receive artillery and a number of other services. Therefore, the military unit was not quite ready to fight.

Keywords: army, Polish military units, infantry battalions, chaplains, discipline, World War I

УДК 930(517)

НОЛЕВ Евгений Владимирович — к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670042, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nolev@inbox.ru)

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ: В ПОИСКАХ НОВЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные изменения, происшедшие в оценке многовекового опыта взаимоотношений России и Монголии в современной отечественной историографии. Особое внимание уделяется исследованиям постсоветского этапа российско-монгольских отношений.

Ключевые слова: российско-монгольские отношения, внешняя политика, современная историография

Непреложные еще четверть века назад концепты «нерушимая дружба СССР и Монголии», «Россия — старший брат Монголии», «Монголия — 16-я советская республика» в современном историческом дискурсе сменились понятиями «возвращение России в Монголию» и «стратегическое партнерство».

Радикальные изменения, происшедшие в России и Монголии в конце XX в., которые детерминировали пересмотр концептуальных основ международных отношений соседних стран, с одной стороны, и отказ от господства марксистской парадигмы в гуманитарном знании — с другой, сформировали основания для целостного пересмотра устоявшихся трактовок и взглядов на историю и перспективы российско-монгольских отношений.

В многовековой истории российско-монгольских отношений условно можно выделить следующие этапы: 1) взаимоотношения русских княжеств и Монгольской империи, позднее Золотой Орды (улус Джучи); 2) взаимоотношения России и Монголии в XVIII—XIX вв. 3) взаимоотношения Российской империи/СССР и Монголии в начале XX в., в период обретения независимости Халхи; 4) советско-монгольские отношения; 5) современные российско-монгольские отношения.

Сегодня в отечественной исторической науке происходит переосмысление содержания и значения взаимоотношений Руси и Золотой Орды. На рубеже 1990-х